

Лев Амбиндер,

руководитель
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ,
ЧЛЕН СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ПО СОДЕЙСТВИЮ РАЗВИТИЮ
ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Допустимые потери

На прошлой неделе произошло беспрецедентное для отечественной благотворительности событие. Семь российских фандрайзинговых организаций, среди которых три газетных — «Коммерсантъ», «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда» — обратились в Минздравсоцразвития РФ с просьбой наладить наконец-то бесперебойное снабжение импортными эндопротезами детей, страдающих злокачественными опухолями костей — саркомами. Тема коллективного письма сама по себе заслуживает отдельного рассказа. Но есть повод и покруче. Говорят, министерство намерено отреагировать.

По оценке экспертов костные саркомы в структуре детской заболеваемости злокачественными новообразованиями занимают до 10%. Наиболее распространены саркома Юинга и остеогенная саркома бедра. Экспертные данные о количестве ежегодно болеющих в России детей весьма разнятся — от 200 до 400 человек. Однако эксперты сходятся во мнении, когда речь заходит о спасении ноги пациента: в половине случаев ее можно сохранить, заменив пораженный участок кости эндопротезом. Между тем пока в России проводят не более 50 таких операций в год. Наиболее эффективны эндопротезы германского производства.

Поводом для коллективного письма послужила история девятилетнего Егора Левина из Тульской области. У Егора саркома Юинга. В онкоцентре имени Блохина мальчик получил пять курсов химиотерапии, к концу января опухоль уменьшилась в половину, и Егора готовили к протезированию, хирург Аслан Дзампаев уверенно сообщил о радужных перспективах мальчика. Дело было за протезом. Врачи рекомендовали немецкий раздвижной. В отличие от отечественного и чешского, которые оплачивают госзаказ, немецкий как бы растет вместе с ребенком, не требуя впоследствии хирургического вмешательства. Фокус в моторике, вмонтированном в протез. Его приводят в движение раз в полгода, чтобы нога поспевала за ростом ребенка.

Так вот, поставщик — московская компания «Дискавери» выставила Левину счет на 2,058 млн руб. Левин, семья с месячным доходом в 20 тыс. руб. и муниципальной квартирой, обратились в благотворительные фонды и в газеты. Вдруг выяснилось, что у производителя в Германии протез стоит €28 868, а «Дискавери» накрутила более 65%, запросив €47 772, и не намерена уступить. Вот это всех и возмутило. Оказалось, что в немецкой клинике операция вместе с протезом обойдется в €54 970. Как говорится, почувствуйте разницу. И вот Егора отправили в Мюнхен, а коллективное письмо — в Минздрав.

Теперь малыш успешно протезирован, и можно порадоваться за Егора, за его родителей и за таких же, как они, рядовых немцев с их стабильным германским здравоохранением даже в кризисные времена. Но вопросы остаются. Почему наши клиники закупают (на наши с вами, налогоплательщиков, деньги!) устаревшие имплантаты, вынуждая несчастных родителей умирать по несколько раз на дню в поисках сумасшедших денег на имплантаты современные? Есть ли у нас в стране сила, способная урезонить поставщиков и наладить снабжение такими протезами всех нуждающихся, а не только избранных? Почему протезируют детей с костными саркомами только две клиники страны — онкоцентр имени Блохина и Российская детская клиническая больница? Почему во многих областях эндопротезированию предпочитают ампутацию? И наоборот, почему становятся возможны случаи, когда протезы устанавливаются не по медицинским, а по финансовым показателям, — просто потому, что нашлись деньги, хотя ситуация требовала именно ампутации, и теряется время, а с ним и жизнь ребенка? И есть ли у нас в стране структура, способная организовать компетентный отбор детей на протезирование?

Остается открытым и самый больной, глубокий вопрос: кто и что должен сделать, чтобы вернуть народу веру в отечественное здравоохранение? Почему поголовно все родители тяжелобольных детей мечтают лечиться за границей, а не в России? Каждый у нас загодя уверен, что все импортное непременно лучше отечественного. И что оперировать наши умеют, а выхаживать — нет, не умеют. И что в германских, израильских, итальянских, американских (желающие могут легко дополнить список) больницах платят ежедневно и в кассу, а у нас еще надо постоянно приплачивать — налом и мировым кассы.

Хотя есть и у нас клиники, где все делают не хуже мировых образцов и где не берут взятку. Вот на днях читатели „Б“ поймали меня за руку и не преминули возмутиться. 13 марта мы напечатали историю Дашы Синициной с большим сердцем, ей требовалась операция в Германии за €21,1 тыс., так как в России родители не нашли никого, кто бы взялся спасти Дашу. А рядом на странице я рассказывал о томском НИИ кардиологии РАМН, где детям делают успешные операции любой сложности. «Если томишь такие крутые, то зачем Даше Берлин?» — резонно спрашивали меня читатели. Отвечая: не дело журналистов раздвигать медицинские рекомендации. Но чье это дело? Есть в стране орган, способный оценить лучших докторов? Как сделать так, чтобы бедные во всех смыслах родители получали информацию о возможности качественной отечественной медицины?

Ответы знают все: есть и властный орган и правительственная структура. У обоих одно название — Минздравсоцразвития РФ. Оно делит огромный бюджет по направлениям, мыслит стратегически и на редкие детские болезни вроде костной саркомы просто не хватает времени. Типа есть допустимые потери, ничего не подделаешь.

Среди подписантов коллективного письма сейчас ходят упорные слухи, будто Минздрав намерен отреагировать. Слухи непроверенные, зато весьма оптимистичные. Будто министерство прониклось, решило разобраться с поставщиками и впредь взять на себя ежегодные закупки 100 немецких эндопротезов. Слухи кажутся чистой фантастикой, но так хочется верить.

Одна на сто тысяч

Редкая болезнь оставила Насте единственный шанс выжить

Средний возраст больных мраморной болезнью — от двух с половиной до трех лет. Насте уже два года и пять месяцев. Неужели ее жизнь подошла к концу? Внешне девочка совсем не производит впечатления тяжело больной. Но это медицинский факт: болезнь до самого последнего времени считалась в мире практически неизлечимой. Это звучит даже в одном из ее названий: летальный остеопротоз. Но недавно найден выход, единственный: трансплантация ребенку чужих, здоровых стволовых клеток. Поиск донора для Насти в международном регистре обойдется в €15 тыс. И еще на 1 млн руб. нужны лекарства. Таких денег в Настинной семье нет.

Настя Ильдер вместе с мамой Татьяной живут в Чебоксарах. Это не просто факт их биографии, в нашем случае это еще и многое объясняет. Если в мире мраморная болезнь проявляется у одного из ста с лишним тысяч новорожденных, то в Чувашии — у одного из 3500–3800. Национальная болезнь? Но остеопротозом с разной степенью частоты болеют в Коста-Рике, Дании, Финляндии. А у нас — в Республике Марий Эл, Мордовии, Саратовской области. Однако именно в Чувашии она встречается чаще всего, и это связано с некоторыми историческими особенностями жизни народа, которые приводили к близкородственным бракам.

Татьяна и ее муж — никакие не родственники, они даже из разных районов республики. Когда родилась Настя, Татьяна — сама врач — сразу отметила некоторые признаки беды. Вот только не знала чего именно, какого заболевания.

— Теперь знаю, это наследственная болезнь, — говорит Татьяна. — Она вызвана генной патологией и неизлечима, встречается в Чувашии. Вот и все, а больше нам ничего не говорили, хотя я училась в Чебоксарах.

Это отдельная тема, почему в Чувашии об остеопротозе знают мало, даже медики. — В два с половиной месяца, — продолжает Татьяна, — мы попали в стационар, нам впервые сделали рентгеновский снимок, потом врачи звали меня в ординаторскую и спрашивали: не было ли у вас в роду больных мраморной болезнью?

Не было. Но среди родственников Татьяны и ее мужа обнаружены несколько носителей лозосчастного гена. Дело в том, что болезнь проявляется у ребенка только в том случае, если носителями гена являются и папа, и мама, а если только один из родителей, она не дает о себе знать.

Тут Настя что-то произносит, я не могу ее понять. Оказывается, она говорит на чувашском. Но выясняется, что знает и русский. Мама дает книжку, и она громко называет ее: — Три поросенка!

Спрашиваю: А как их зовут, трех поросят? На секунду задумавшись, Настя четко говорит: — НиФ-НиФ, НуФ-НуФ и НаФ-НаФ. Гулять хочу.

— Скоро пойдем, — обещает Татьяна и продолжает. — Эта болезнь протекает по-разному. Говорят, одна девочка даже до шести лет дожила. Конечно, она потеряла зрение и слух, прежде чем ушла.

Настя хорошо видит и слышит, она рассказывает мне стихи и тут же танцует. Глядя на нее, жутко сознавать, что это до поры до времени. Поломка, мутация в геномном аппарате таких больных неизбежно приводит к уплот-

Настя хорошо видит и слышит, она рассказывает стихи и танцует. Глядя на нее, жутко сознавать, что это до поры до времени. Но вот медицинский факт: болезнь еще недавно считалась неизлечимой. Это звучит даже в названии — летальный остеопротоз.

ФОТО ВИКТОРА КОСТЯКОВСКОГО

нению костной ткани, зарастанию каналов, в которых находится костный мозг. Кстати, вот почему мраморная: скелет ребенка становится действительно как мрамор — тяжелым, слоистым и хрупким.

Татьяна одевает дочку, и мы идем гулять. Татьяна держит Настю на руках.

О пересадке костного мозга как единственном способе справиться с болезнью врач Татьяна Ильдер узнала случайно. А когда попросила направление на трансплантацию, ей в Чебоксарах авторитетно объяснили: у нас в России трансплантацию не делают.

Может быть, и правда чебоксарские авторитеты не знали?

А может быть, знали, но имели в виду, что не делают при таком заболевании. В самом деле, тут опыта еще мало. И все-таки он уже есть. Два года назад в Центре трансплантации костного мозга Санкт-Петербургского медицинского университета впервые в России пересадили стволовые клетки Антоше Терехову, кото-

рый, кстати, никакого отношения к Чувашии не имеет. Вернувшись из Чебоксар, я позвонил его маме Елене в Гатчинский район Ленинградской области и спросил, как мальчик себя чувствует.

— Тьфу-тьфу-тьфу! — ответила Елена. — Никаких проявлений болезни. Антоше уже четыре года и восемь месяцев. Мы так благодарны врачам!

Именно к этим врачам в Институт детской гематологии и трансплантологии им. П. М. Горбачевой сейчас собираются Татьяна и Настя.

— Питерцы мне сами звонили, долго спрашивали, говорили о перспективах, — рассказывает Татьяна. — Это они посоветовали обратиться в ваш фонд.

Без наших читателей Ильдерам не обойтись. Татьяна получает 14,5 тыс. руб., из них 4,5 тыс. уходит на оплату аренды комнаты в общежитии. Муж работал на стройке, а теперь заморожена, и он безуспешно ищет работу Кризис.

— Что врачи говорят о перспективах? — спрашиваю я.

— Пятьдесят на пятьдесят, — внешне спокойно отвечает Татьяна.

Она долго молчит, крепко прижимая дочку. Потом тихо говорит:

— Но других шансов просто нет. Ни одного.

Виктор Костяковский

КАК ПОМОЧЬ Для спасения двухлетней Насти Ильдер не хватает 977 163 руб.

Говорит заведующий отделением Института детской гематологии и трансплантологии им. П. М. Горбачевой Наталья Станчева:

— Клетки остеообласти у нас в крови отвечают за выработку костной ткани.

И есть остеообласти, которые, наоборот, способствуют разрушению лицевой ткани. Но у больных мраморной болезнью этих разрушителей не хватает и костная ткань беспрепятственно уплотняется; кровеносные функции костного мозга вытесняются в печень, селезенку и лимфоузлы, а те не справляются, увеличиваясь в размерах. Зарастает естес-

венное отверстие черепа, где проходят нервы, и больной теряет зрение и слух. В итоге дети погибают от сопутствующих болезней. Только своевременная замена на больших стволовых клетках здоровыми дает такому больному шанс выжить.

У Насти как раз такой случай. По словам госпожи Станчевой, мировой опыт эффективной борьбы с мраморной болезнью реально существует, причем теперь уже и с отдаленными результатами: «очень большим этот опыт не назовешь, но он есть, и это дает надежду».

Оплата поиска и активации неродственного донора костного мозга

(€15 тыс.) и лекарственной терапии обойдется в 1 621 145 руб. Как всегда, на помощь придут наши постоянные партнеры: компания «Ингосстрах» внесет 417 тыс. руб., а петербургский благотворительный фонд «Адивта» — €5 тыс. (подробности на сайте www.rusfond.ru). То есть на трансплантацию костного мозга Насте Ильдер не хватает 977 163 руб.

Дорогие друзья! Если вы решили помочь вылечить тяжеленную Настю от редкой напасти и спасти ей жизнь, пусть вас не смущает цена спасения. Любей, самый небольшой ваш взнос будет с благо-

дарностью принят. Пожертвования можно перечислить на счетчики Настиной мамы Татьяны Елизаровны Ильдер или в благотворительный фонд «Помощь» (уредители — издательский дом «Коммерсантъ» и Лев Амбиндер). Все необходимые реквизиты есть в Российском фонде помощи. Можно также воспользоваться нашей системой электронных платежей, сделав перевод с кредитной карточки или электронного наличество, в том числе и из-за рубежа (подробности на сайте www.rusfond.ru).

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Макс Молошенко, 2 года, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 136 000 руб.

Внимание! Благотворительный фонд «Ренова» внес 50 000 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 86 000 руб.

Срок родов прошел, а кесарево сечение мне все не делали. Сын появился на свет задыхнувшимся, закричал на десятый день в реанимации. В Институте акушерства и педиатрии мы стали постоянными посетителями. Но Макс все еще не стоит, хотя ножки крепкие. Умственное развитие не вызывает опасений: ребенок все понимает, но не говорит. Нас мучает страх, что Макс никогда не научится ходить. В Институте медтехнологий (ИМТ) надо пройти не менее трех курсов подряд, а платить нечем. С работой очень тяжело, из станицы муж ездит в Ростов-на-Дону, где зарабатывает 15 тыс. руб. мейнджером в компании. Много средств уходит на массаж, гимнастику, лекарства и специпитание для Макса. Мы так боимся упустить время, ведь сейчас лечение особенно эффективно. Ольга Молошенко, Краснодарский край

Невролог ИМТ Ольга Тарасова (Москва): «Спастико-гиперкинетическая форма ДЦП, подвывих тазобедренных суставов, задержка психоречевого развития. Макс научится сидеть, стоять, ходить и говорить, если и впрямь не упустим время».

Саша Черданцев, 14 лет, правосторонний грудной сколиоз IV степени, спасет операция. 200 564 руб.

Внимание! Компания «М.Видео» внесла 87 500 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 113 064 руб.

Семь лет, как моя жена умерла от рака. Дочери было четырнадцать, а сын после операции на сердце пошел в первый класс. Тогда и начал развиваться сколиоз. Саша с трудом отсыживает положенные часы в школе. С семи лет лечу его массажем, плаванием, специальной гимнастикой, но болезнь не останавливается. На перекошенной спине большая шишка, лопатки на разных уровнях. И сердце под ударом: кривой позвоночник давит на него. Саюк на улице почти не выходит. Сидит, одинокий и худой, с газетами у телика, ни один футбольный матч не пропустил. Ему-то самому играть нельзя. Теперь нужна операция сживлением имплантата. Операция Саше не страшна, но лишь беспокоится, что ее долго не делают. А мне нечем платить. Работаю столяром, зарплата 6,8 тыс. руб. Дочь поступила в институт и подрабатывает, оплачивая учебу. Тяжело смотреть, как сын мучается. Прошу, помогите! Евгений Черданцев, Бурятия

Заведующий клиникой Центра патологии позвоночника РФ Михаил Михайловский: «Довольно большая деформация (70 градусов) грудного отдела позвоночника с выраженным реберным горбом. Операция даст отличный результат».

Лиза Бознак, 4 года, посттравматическая деформация губы и носа, нужна пластическая операция. 80 000 руб.

Полгода назад как-то попросила свою маму забрать Лизу из детсада. У мамы в квартире жил шаффордирийский терьер, его всегда закрывали в комнате, чтобы не пугал ребенка. Открыв дверь, мама пропустила Лизу вперед, и тут на малышку бросился пес. Лицо в ключи, оторвал нос и верхнюю губу. Наши реабилитологи авиационной отравили Лизу в Тулу. В областной больнице лицо собрали по частям, зашили, как сумели. У дочки полностью нарушено дыхание, повреждена носовая перегородка. Шов перекрывает правую ноздрю, отверстие в левой меньше спичечной головки. В саду Лизу обжигают, дразнят кривоноскою. Что ни день, то Лиза в слезах. Зеркал она боится. Я воспитываю дочь одна, ее отец скрывается от алиментов. Я продавец в универсаме, получаю 4 тыс. руб. Мои родители сами инвалиды, а вот Лизе инвалидность не дают. Помогите, пожалуйста, моей девочке. В клинике профессора Рогинского обещают сделать носовую перегородку и поправить губу. Виктория Бознак, Тульская область

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Да, у Лизы на лице сформировались грубые рубцы, носовой ход сужен, нос не дышит. Необходима хирургическая коррекция деформаций».

Марьям Изудинова, 10 лет, паралич Дюшенера-Эрба, требуется цикл операций. 196 000 руб.

Внимание! Один благотворительный фонд внес 65 333 руб. Не хватает 130 667 руб.

Из-за родовой травмы у дочери не действует левая рука. Пальцы не шевелятся, рука безжизненно висит и уже заметно короче правой. Мышц практически нет, косточки да кожа. А недавно ортопед сказал, что от неравномерного развития рук у Марьям начинается искривление позвоночника! Дважды в год мы проходим курс в местном реабилитационном центре, каждые два месяца лечимся в поликлинике, были в Москве и Петербурге, но все бесполезно. Наконец нам подсказали обратиться в Ярославскую клинику, и там готовы помочь. В связи с тем, что дочери требуется неоднократное хирургическое вмешательство (пять-шесть операций), вынуждена просить вас о помощи. Стремлясь детьми (еще есть дочери пяти и семи лет) жить на скромную зарплату мужа, он работает в отряде ведомственной охраны на железной дороге. Я при детях, да и нет работы в селе. А Марьям отличница, голова умная, а делать ничего не может. Фатима Авчишанова, Дагестан

Заместитель главврача больницы имени Соловьева Юрий Филиппенков (Ярославль): «Случай неравной, обычно при параличе Дюшенера-Эрба пальцы двигаются. Мы планируем многоэтапное оперативное лечение: транспозицию мышц на плечо и предплечье, восстановление плечевых нервов».

Артем Соловьев, 6 лет, врожденный порок сердца, необходима эндоскопическая операция. 133 600 руб.

Внимание! Компания ТТК внесла 70 000 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 63 600 руб.

Артем развит интеллектуально, читает с четырех лет. В два года Артем стал быстро уставать. Наконец прошлой весной на осмотре в детсаду наши шум в сердце и направили в кардиоцентр. Оказалось, артериальный проток не закрылся после рождения. Нам сказали, что надо ставить специальную заплатку. В этом году Артемке идти в первый класс, и вылечиться надо до школы: нагрузки могут резко ухудшить его состояние. Я в октябре прошлого года за 2 тыс. руб. устроилась лаборантом в областной институт повышения квалификации работников образования. Супруг работает механиком по 12 тыс. руб., но за декабрь зарплату еще не выдала, а с января ее снизили на 20 процентов. Надеемся на вашу доброту. Юлия Соловьева, Томская область

Ведущий специалист томского НИИ кардиологии СО РАМН Сергей Иванов: «У Артема в течение шести лет функционирует открытый артериальный проток. Богатая кислородом кровь возвращается в легкие, перегружая сердце и формируя легочную гипертензию. Надо восстановить нормальное кровообращение. Тогда Артем сможет нормально развиваться и учиться в школе».

Реквизиты авторов и клиник есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на www.rusfond.ru).

Синицины оформляют визы в Германию

13 марта мы опубликовали историю десятилетней Дашы Синициной из Ставрополя („Б“, Валерий Панюшкин, «Сердце не дышит»). У этой девочки очень сложный врожденный порок сердца, с таким обычно не доживают до года. Дашу несколько раз спасали от смерти. Теперь у нее появился шанс поправиться. Нужна сложная операция в Германии, она обойдется в 1,385 млн руб. Эту сумму собрали читатели „Б“ и нашего сайта www.rusfond.ru. Сейчас Синицины оформляют визы.

В Берлине Дашу ждет операция на магистральных сосудах. Хирурги обещают, что после успешной операции ее сердечные проблемы закончатся. Пожелаем Даше удачи!

ФОТО ОЛЬГИ ЛАВРЕНКОВОЙ

края; операции по поводу сколиоза Косте Нестерову (14 лет, 200 564 руб., Бурятия); лечение ДДЦП Рамилю Мингарееву (5 лет, 136 тыс. руб., Красноярский край); челюстно-лицевые операции Диме Ишкильдуну (3 года, 65 тыс. руб., Тульская обл.); операция по поводу косоглазия Ярославу Рухло (6 мес. от роду, 84 тыс. руб., Белоруссия); лечение несовершенного остеогенеза Диме Лукьянову (3 года, 129 тыс. руб., Ульяновская обл.).

Отправлено: на лекарства 542 тыс. руб. Саше Коротышкину (9 лет, острый миелобластный лейкоз, Ростовская обл.), 206 740 руб. Саше Селивановой (12 лет, острый миелобластный лейкоз, Чувашия), 234 220 руб. Ане Серюковой (7 лет, острый миелобластный лейкоз, Санкт-Петербург). Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» и Общественность помощи русским детям, Андрей, Манук, Максим, Виталий, Ирина (все — США), Стивен, Юлия, Александр (Швейцария),

Наталья (Австрия), Вальдемар, Александр, Татьяна (все — Германия), Анна (Финляндия), Лилия и Растислав (Чехия), Антон, Дарья (оба — Франция), Анна, Андрей (оба — Англия), Никита, Василий (оба — Нидерланды), Константин (Ирландия), Юлия, Ирина (обе — Италия), Кира (Израиль), Юрий (Украина), ООО «База резерва», три Натальи, Александр, Антон, Анна, Юлия, Вадим, Елена, два Андрея (все — Санкт-Петербург), Сергей (Калининград), Марина, Артем, Инна Витальевна (все — Москва), Александр Валерьевич, Борис Николаевич, две Татьяны, две Елены, два Михаила, две Зинаиды, два Ирина, Александр, два Сергея, две Анны, две Ольги, два Максима, Ольга, два Дмитрия, Армен, Музаффар, три Натальи, два Юрия, Гульнара, Константин, Мансур, Ленис, два Марии, два Виктора, Раиф, семья Голиковых, Семен, два Андрея, две Екатерины, Юлия, четыре Алексея, Анастасия, две Елены, Светлана, Кирилл, Ярослав, два Антона, два Николая, Руслан, Дарья, Инна,

Дмитрий (Татария), Вера (Йошкар-Ола), две Анны (обе — Ставрополь), Виктор (Краснодар), Ринат (Узлова), Игорь (Воронеж), ЗАО «Компания „Транстелеком“», благотворительный фонд «Ренова», ОАО «Русь-Банк», компании «Мейджор-Авто», ООО Компания «Профессиональный правовой консалтинг», ЗАО ТП «Кунцево», ЗАО ПМП, ЗАО «Рокада», Стивен, Елена от компании, Наталья от руководителя Дмитрия, Ольга от руководителя, Вадим Дымов, Александр Валерьевич, Борис Николаевич, две Татьяны, две Елены, два Михаила, две Зинаиды, два Ирина, Александр, два Сергея, две Анны, две Ольги, два Максима, Ольга, два Дмитрия, Армен, Музаффар, три Натальи, два Юрия, Гульнара, Константин, Мансур, Ленис, два Марии, два Виктора, Раиф, семья Голиковых, Семен, два Андрея, две Екатерины, Юлия, четыре Алексея, Анастасия, две Елены, Светлана, Кирилл, Ярослав, два Антона, два Николая, Руслан, Дарья, Инна,

Олег, Роман, Виктория, Фарид и Эльшан, Рустам, Тигран, Владислав, Александр, Павел, Евгений, Гаянэ, Владимир, два Игоря, две Ирины, Яков, Эдуард, две Оксаны, Дмитрий, две Натальи, Евгений, Елена, два Сергея, Рушана, два Андрея, Тамара, Леонид, Элина, две Марины, Татьяна Евгеньевна, Галина, Леся, Даниил, Елена Викторовна, Алексей и Илья, Залина, Николай, Анна, Роман, Юля, Долорес, Карина, Аркадий, Вера, два Вадима, Фарид, Ирина Васильевна, Ева и Михаил, Валентин Иванович, Даша, Равиль, Екатерина, Владислава, Фирюза, Ян, Никита, forlin2005@shet44@, lising@, m.post@, OFP@, wonderer@, a7209528@, aivanp@, NabatchikovalA@, (все — Москва).

Спасибо! Лев Амбиндер, Анна Железнова, Антонина Надсадина

Полный текст отчета публикуется на сайте www.rusfond.ru.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца Соле Лоховой (9 лет, 186 600 руб.) и Тимуру Кулакуаску (5 мес. от роду, 191 196 руб.) из Алтайского